

Есть ли в России антикитайское лобби?

Кирилл Бенедиктов

Человека, заинтересовавшегося вопросом, существует ли у России внятная стратегия развития отношений с Китаем, ожидает разочарование. Говоря коротко, стратегии такой не существует, хотя понимание того, что она нужна, есть. Что представляет собой российское экспертное сообщество китаистов, существуют ли информационные каналы, связывающие его со структурами, формирующими государственную политику, и есть ли в России силы, кровно заинтересованные в том, чтобы свернуть сотрудничество с Китаем, — своего рода «антикитайское лобби»?

Миф о китайской угрозе

Ключевым для понимания вопроса о прокитайском и антикитайском лобби является укоренившийся в российском обществе миф об угрозе китайской экспансии на Дальний Восток.

Так, независимый военный эксперт Александр Храмчихин всячески популяризирует идею о китайской угрозе России. С точки зрения Храмчихина, «современные отношения с Китаем абсолютно невыгодны России. И более того, Китай — это главная угроза для России. Причем практически это неизбежная угроза».

Большинство экспертов-китаистов не согласны с Храмчихиным. «Да, в школьном образовании в Китае присутствует тема неравноправных договоров XIX века и то, что Китай в свое время потерял часть земель, которые перешли к царской России, — замечает заместитель директора Института стран Азии и Африки МГУ (ИСАА) Андрей Карнеев. — Но ведь и у нас сожалеют об утраченной Аляске, однако это не является призывом к ее заселению».

С Карнеевым не согласен профессор ИСАА Вилль Гельбрас, по мнению которого «китайцы нам

много в истории не простили и не простят». Однако и он считает, что основная угроза для России лежит не в сфере миграции: «Проблема заключается не в том, что они хлынули в Россию (их, кстати, не так уж и много, в разы меньше, чем об этом пишут)», а в сфере экономики: «Через китайскую диаспору идет гигантский поток контрабандных товаров. Целые отрасли влечат у нас жалкое существование, потому что не могут конкурировать с китайской продукцией».

О том, что исторически китайцы никогда не селились к северу от

— Дацин, — говорит президент Фонда востоковедческих исследований, профессор МГИМО Сергей Лузянин. — Якобы существует некое проамериканское лобби в российском руководстве, которое не заинтересовано в реализации этой схемы: российская нефть в обмен на китайские деньги, которая усиливает китайское направление и ослабляет американское».

Сам Лузянин «не совсем согласен» с такой точкой зрения. По его мнению, антикитайское лобби существует, но оно не проамериканское, а, скорее, бюрократи-

Основная угроза для России со стороны Китая лежит не в сфере миграции, а в сфере экономики

Амура, китаеведы говорили давно — вот только их голоса заглушались воплями журналистов о «желтой угрозе» малонаселенному Дальнему Востоку. По мнению директора по спецпроектам Института национальной стратегии Юрия Солозובה, «Китаю геополитически гораздо важнее идти на юг, идти в США, идти в Азиатско-Тихоокеанский регион, что он и делает прекрасно, чем колунась на вечной мерзлоте Чукотки или инфраструктурно совершенно не освоенной Восточной Сибири, кто бы что ни говорил».

«Прокитайцы и антикитайцы»

По мнению некоторых экспертов, нагнетаемая в прессе истерика является результатом действия антикитайского лобби, которое работает в интересах некоторых стран, не заинтересованных в российско-китайском сближении. «Например, есть такая версия, что якобы кто-то в российском руководстве или около российского руководства пытается блокировать реализацию проекта ветки нефтепровода Сковородино — Мохэ

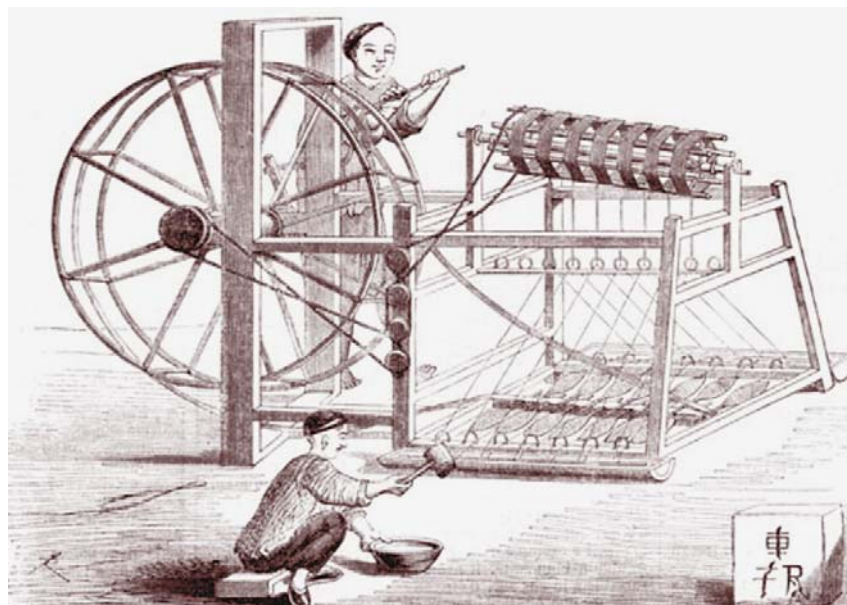
ческое: «Отдельные министры, наверное, чисто субъективно, исходя из своего личного опыта общения с Китаем, возможно, иногда чисто на уровне интуиции, более активно или менее активно действуют на китайском направлении». Если это так, то «конспирологическая» схема переворачивается с ног на голову — не антикитайское лобби заказывает статьи о «желтой угрозе», а взбаламученные недобросовестными журналистами и «экспертами» общественное мнение формирует стихийное антикитайское лобби.

По словам заместителя директора Института Дальнего Востока Владимира Портякова, антикитайское лобби все-таки существует, и подпитывается оно главным образом западными структурами. «В 1990-е годы Московский центр Карнеги проводил совершенно четкую идею, что главная опасность для России — на Востоке. Я считаю, что это была антикитайская позиция. В России существует некоторые представители экспертного сообщества, особенно военные — Храмчихин из Института военного анализа, Шаравин оттуда же. Они высказывают такую

точку зрения, что Китай может представлять угрозу для России. Но представляют ли они всех военных? Я в этом не убежден. На сегодняшний день их точка зрения — это точка зрения людей изолированных, которые не представляют мейнстрим. Есть реальное понимание в российском обществе, что уж с кем с кем, а с Китаем отношения портить нельзя. Тем более у России вообще-то и ни с кем, кроме Китая, особенно хороших отношений-то и нет».

По мнению самого Храмчихина, никакого антикитайского лобби в России нет, а существует, напротив, «гигантское прокитайское лобби — в первую очередь ВПК, который в 1990-е годы выживал на китайских заказах и выживает в значительной степени до сих пор. Причем, учитывая высочайший уровень коррупции в России вообще, в том числе и в ВПК, Китай, очевидно, получает все, что угодно, включая технологии — даже те, которые сам Кремль пока еще опасается отдавать. Китай, я думаю, получает их нелегальными путями. Думаю, что значительная часть кремлевской политической элиты — это тоже китайское лобби. То есть для них Китай — это противовес Соединенным Штатам, которые воспринимаются как угроза сохранению власти правящей группировки».

Безусловно, концепция мощного прокитайского лобби в российском руководстве способна объяснить, почему Москва безропотно отдала Китаю инициативу в рамках ШОС, пошла на беспрецедентные территориальные уступки на Амуре, ослабила свое влияние в Центральной Азии и т.д. Однако она не объясняет, почему Китай был привилегированным партнером российского ВПК лишь до 2006 года, после чего целый ряд контрактов был свернут. По словам Владимира Портякова, в сфере военного сотрудничества с Китаем «ситуация непростая — на данный момент Китай не является крупнейшим рынком сбыта российской военной техники». По мнению источника из Министерства обороны РФ, российский ВПК в значительной степени потерял интерес к Китаю в последние три года.

Что нам делать с Китаем?

Вопрос о том, насколько прокитайское или антикитайское лобби влияет на механизм принятия решений российским руководством, остается открытым. Однако важен он не сам по себе, а в контексте драматического отсутствия стратегической линии

нехватку специалистов и идей. Уровень отечественной экспертизы по Китаю продолжает падать».

Виля Гельбрас полагает, что отсутствие стратегического мышления на китайском направлении связано с низкой компетентностью и узким кругозором российской политической элиты. «Некомпетентные люди занимаются решением таких вопросов, люди

Китаю геополитически гораздо важнее идти на Юг, идти в США, идти в австралийский регион, чем колупаться на вечной мерзлоте Чукотки

отношений между Россией и Китаем, которая, в свою очередь, является следствием малочисленности китаеведческого экспертного сообщества в России, его институциональной раздробленности и распыленности потока аналитической информации.

По мнению обозревателя ИД «Коммерсантъ» Александра Габеева, «российские исследовательские организации, которые должны обеспечивать экспертное сопровождение принятия решений, не способны производить конкурентоспособный продукт. В свою очередь, отсутствие такого продукта приводит к нежеланию инвесторов в лице государства и бизнеса вкладывать деньги в развитие исследовательских организаций. В результате возникает порочный круг: китаисты жалуются на отсутствие денег, а заказчики — на

без кругозора, люди, не способные видеть, что будет через пять, десять, двадцать, пятьдесят лет. Поэтому получилось так, что, когда экономический потенциал Китая стал в два раза превышать российский, только тогда зачесали затылок, но до конца не осознали этого факта до сих пор».

Вполне вероятно, что отсутствие разработанной стратегии в отношении Китая дорого обойдется России. Даже если вывести за скобки мифическую угрозу китайской экспансии, трудно будет смириться с ситуацией, когда вторая сверхдержава мира предложит России место младшего партнера в большой геополитической игре. Но, если вдуматься, существует ли у российской политической элиты стратегическое видение развития отношений с США или Евросоюзом? ■